

Джек Лондон

Белый Клык

лучшая
классика

Аванта

с комментариями
для школьников

Джек Лондон
Белый клык (сборник).
С комментариями
для школьников
Серия «Лучшая классика с
комментариями для школьников»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34448262

Белый Клык: АСТ; Москва; 2018

ISBN 978-5-17-105853-1

Аннотация

Невероятная история собаки-волка, родившегося на свободе и подчинившегося человеку.

За небольшой по времени отрезок Белый Клык становится ездовой собакой, вожаком стаи, бойцовым псом, а затем домашней собакой, охраняющей дом и детей. Он переживает побои и голод на Севере, дружбу, любовь и три пули на Юге. И все это время автор держит читателя в постоянном напряжении, позволяя «выдохнуть» только в самом конце...

Кроме увлекательного сюжета, ярких, запоминающихся образов, в книге вы найдете интереснейшие комментарии, которые помогут глубже проникнуть в произведение, много

узнать о животных и растениях Севера, о волках и ездовых собаках, о «золотой лихорадке» и жизни индейцев Северной Америки.

Для среднего школьного возраста.

Содержание

Белый Клык	6
Часть первая	9
Глава первая	9
Глава вторая	31
Глава третья	60
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Джек Лондон

Белый Клык

© Н. А. Волжина, насл., перевод, 2018

© Н. Л. Дарузес, насл., перевод, 2018

© М. П. Богословская, насл., перевод, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Белый Клык

Дятел

Волчата

Рысь

Часть первая

Глава первая Погоня за добычей

Темный еловый лес стоял, нахмурившись, по обоим берегам скованной льдом реки. Недавно пронесшийся ветер сорвал с деревьев белый покров инея, и они, черные, зловещие, клонились друг к другу в надвигающихся сумерках. Глубокое безмолвие царило вокруг. Весь этот край, лишенный признаков жизни с ее движением, был так пустынен и холоден, что дух, витающий над ним, нельзя было назвать даже духом скорби. Смех, но смех страшнее скорби, слышался здесь – смех безрадостный, точно улыбка сфинкса, смех, леденящий своим бездушием, как стужа. Это извечная мудрость – властная, вознесенная над миром – смеялась, видя тщету жизни, тщету борьбы. **Это была глушь – дикая, оледеневшая до самого сердца Северная глушь.**

И все же что-то живое двигалось в ней и бросало ей вызов. По замерзшей реке пробиралась упряжка ездовых собак. Взъерошенная шерсть их заиндевила на морозе, дыхание застывало в воздухе и кристаллами оседало на шкуре. Собаки были **в кожаной упряжи**, и кожаные постромки шли от нее к волочившимся сзади саням. **Сани без полозьев,**

из толстой березовой коры, всей поверхностью ложились на снег. Передок их был загнут кверху, как свиток, чтобы при-минать мягкие снежные волны, встававшие им навстречу. На санях стоял крепко притороченный узкий продолговатый ящик. Были там и другие вещи: одежда, топор, кофейник, сковорода; но прежде всего бросался в глаза узкий продолговатый ящик, занимавший большую часть саней.

Впереди собак на широких лыжах с трудом ступал человек. За санями шел второй. На санях, в ящике, лежал третий, для которого с земными трудами было покончено, ибо Северная глушь одолела, сломила его, так что он не мог больше ни двигаться, ни бороться. Северная глушь не любит движения. Она ополчается на жизнь, ибо жизнь есть движение, а Северная глушь стремится остановить все то, что движется. Она замораживает воду, чтобы задержать ее бег к морю; она высасывает соки из дерева, и его могучее сердце коченеет от стужи; но с особенной яростью и жестокостью Северная глушь ломает упорство человека, потому что человек – самое мятежное существо в мире, потому что человек всегда восстает против ее воли, согласно которой всякое движение в конце концов должно прекратиться.

И все-таки впереди и сзади саней шли два бесстрашных и непокорных человека, еще не расставшиеся с жизнью. Их одежда была сшита из меха и мягкой дубленой кожи. Ресницы, щеки и губы у них так обледенели от застывающего на воздухе дыхания, что под ледяной коркой не было вид-

но лица. Это придавало им вид каких-то призрачных масок, могильщиков из потустороннего мира, совершающих погребение призрака. Но это были не призрачные маски, а люди, проникшие в страну скорби, насмешки и безмолвия, смельчаки, вложившие все свои жалкие силы в дерзкий замысел и задумавшие потягаться с могуществом мира, столь же далекого, пустынного и чуждого им, как и необъятное пространство космоса.

Они шли молча, сберегая дыхание для ходьбы. Почти осязаемое безмолвие окружало их со всех сторон. Оно давило на разум, как вода на большой глубине давит на тело водолаза. Оно угнетало безграничностью и непреложностью своего закона. Оно добиралось до самых сокровенных тайников их сознания, выжимая из него, как сок из винограда, все напускное, ложное, всякую склонность к слишком высокой самооценке, свойственную человеческой душе, и внушало им мысль, что они всего лишь ничтожные, смертные существа, пылинки, мошки, которые прокладывают свой путь наугад, не замечая игры слепых сил природы.

Прошел час, прошел другой. Бледный свет короткого, тусклого дня начал меркнуть, когда в окружающей тишине пронесся слабый, отдаленный вой. Он стремительно взвился кверху, достиг высокой ноты, задержался на ней, дрожа, но не сбавляя силы, а потом постепенно замер. Его можно было принять за стенание чьей-то погибшей души, если б в нем не слышались угрюмая ярость и ожесточение голода.

Человек, шедший впереди, обернулся, поймал взгляд того, который брел позади саней, и они кивнули друг другу. И снова тишину, как иголкой, **пронзил вой**. Они прислушались, стараясь определить направление звука. Он доносился из тех снежных просторов, которые они только что прошли.

Вскоре послышался ответный вой, тоже откуда-то сзади, но немного левее.

– Это ведь они за нами гонятся, Билл, – сказал шедший впереди. Голос его прозвучал хрипло и неестественно, и говорил он с явным трудом.

– Добычи у них мало, – ответил его товарищ. – Вот уже сколько дней я не видел **ни одного заячьего следа**.

Путники замолчали, напряженно прислушиваясь к вою, который поминутно раздавался позади них.

Как только наступила темнота, они повернули собак к елям на берегу реки и остановились на привал. Гроб, снятый с саней, служил им и столом и скамьей. Сбившись в кучу по другую сторону костра, собаки рычали и грызлись, но не выказывали ни малейшего желания убежать в темноту.

– Что-то они уж слишком жмутся к огню, – сказал Билл.

Генри, присевший на корточки перед костром, чтобы установить на огне кофейник с куском льда, молча кивнул. Заговорил он только после того, как сел на гроб и принялся за еду.

– Шкуру свою берегут. Знают, что тут их накормят, а там они сами пойдут кому-нибудь на корм. Собак не проведешь.

Билл покачал головой:

– Кто их знает!

Товарищ посмотрел на него с любопытством:

– Первый раз слышу, чтобы ты сомневался в их уме.

– Генри, – сказал Билл, медленно разжевывая бобы, – а ты не заметил, как собаки грызлись, когда я кормил их?

– Действительно, возни было больше, чем всегда, – подтвердил Генри.

– Сколько у нас собак, Генри?

– Шесть.

– Так вот... – Билл сделал паузу, чтобы придать больше веса своим словам. – Я тоже говорю, что у нас шесть собак. Я взял шесть рыб из мешка, дал каждой собаке по рыбе. И одной не хватило, Генри.

– Значит, обсчитался.

– У нас шесть собак, – безучастно повторил Билл. – Я взял шесть рыб. Одноухому рыбы не хватило. Мне пришлось взять из мешка еще одну рыбу.

– У нас всего шесть собак, – стоял на своем Генри.

– Генри, – продолжал Билл, – я не говорю, что все были собаки, но рыба досталась семерым.

Генри перестал жевать, посмотрел через костер на собак и пересчитал их.

– Сейчас там только шесть, – сказал он.

– Седьмая убежала, я видел, – со спокойной настойчивостью проговорил Билл. – Их было семь.

Генри взглянул на него с состраданием и сказал:

– Поскорее бы нам с тобой добраться до места.

– Это как же понимать?

– А так, что от этой поклажи, которую мы везем, ты сам не свой стал, вот тебе и мерещится бог знает что.

– Я об этом уж думал, – ответил Билл серьезно. – Как только она побежала, я сразу взглянул на снег и увидел следы; потом сосчитал собак – их было шесть. А следы – вот они. Хочешь взглянуть? Пойдем – покажу.

Генри ничего ему не ответил и молча продолжал жевать. **Съев бобы**, он запил их горячим кофе, вытер рот рукой и сказал:

– Значит, по-твоему, это...

Протяжный тоскливый вой не дал ему договорить. Он молча прислушался, а потом закончил начатую фразу, ткнув пальцем назад, в темноту:

– ...это гость оттуда?

Билл кивнул.

– Как ни вертись, больше ничего не придумаешь. Ты же сам слышал, какую грызню подняли собаки.

Протяжный вой слышался все чаще и чаще, издалека доносились ответные завывания, – тишина превратилась в сущий ад. Вой несся со всех сторон, и **собаки в страхе сбились в кучу так близко к костру, что огонь чуть ли не подпаливал им шерсть.**

Билл подбросил хвороста в костер и закурил трубку.

– Я вижу, ты совсем захандрил, – сказал Генри.

– Генри... – Билл задумчиво пососал трубку. – Я все думаю, Генри: он куда счастливее нас с тобой. – И Билл постукал пальцем по гробу, на котором они сидели. – Когда мы умрем, Генри, хорошо, если хоть кучка камней будет лежать над нашими телами, чтобы их не сожрали собаки.

– Да ведь ни у тебя, ни у меня нет ни родни, ни денег, – сказал Генри. – Вряд ли нас с тобой повезут хоронить в такую даль, нам такие похороны не по карману.

– Чего я никак не могу понять, Генри, это – зачем человеку, который был у себя на родине не то лордом, не то вроде этого и ему не приходилось заботиться ни о еде, ни о теплых одеялах, – зачем такому человеку понадобилось рыскать на краю света, по этой Богом забытой стране?..

– Да. Сидел бы дома, дожил бы до старости, – согласился Генри.

Его товарищ открыл было рот, но так ничего и не сказал. Вместо этого он протянул руку в темноту, стеной надвигавшуюся на них со всех сторон. Во мраке нельзя было разглядеть никаких определенных очертаний; виднелась только **пара глаз, горящих, как угли.**

Генри молча указал на вторую пару и на третью. Круг горящих глаз стягивался около их стоянки. Время от времени какая-нибудь пара меняла место или исчезала, с тем чтобы снова появиться секундой позже.

Собаки беспокоились все больше и больше и вдруг, охва-

ченные страхом, сбились в кучу почти у самого костра, подползли к людям и прижались к их ногам. В свалке одна собака попала в костер; она завизжала от боли и ужаса, и в воздухе запахло паленой шерстью. Кольцо глаз на минуту разомкнулось и даже чуть-чуть отступило назад, но как только собаки успокоились, оно снова оказалось на прежнем месте.

– Вот беда, Генри! Патронов мало!

Докурив трубку, Билл помог своему спутнику разложить меховую постель и одеяло поверх еловых веток, которые он еще перед ужином набросал на снег. Генри крикнул и **принялся развязывать мокасины.**

– Сколько у тебя осталось патронов? – спросил он.

– Три, – слышалось в ответ. – А надо бы триста. Я бы им показал, дьяволам!

Он злобно погрозил кулаком в сторону горящих глаз и стал устанавливать свои мокасины перед огнем.

– Когда только эти морозы кончатся! – продолжал Билл. – Вот уже вторую неделю все пятьдесят да пятьдесят градусов. И зачем только я пустился в это путешествие, Генри! Не нравится оно мне. Не по себе мне как-то. Приехать бы уж поскорее, и дело с концом! Сидеть бы нам с тобой сейчас у камина в форте Мак-Гэрри, играть в криббедж¹... Много бы я дал за это!

Генри проворчал что-то и стал укладываться. Он уже за-

¹ Криббедж – карточная игра, популярная в Великобритании и США (прим. ред.).

дремал, как вдруг голос товарища разбудил его:

– Знаешь, Генри, что меня беспокоит? Почему собаки не накинулись на того, пришлого, которому тоже досталась рыба?

– Уж очень ты стал беспокойный, Билл, – послышался сонный ответ. – Раньше за тобой этого не водилось. Перестань болтать, спи, а утром встанешь как ни в чем не бывало. Изжога у тебя, оттого ты и беспокоишься.

Они спали рядом, под одним одеялом, тяжело дыша во сне. Костер потухал, и круг горящих глаз, оцепивших стоянку, смыкался все теснее и теснее.

Собаки жались одна к другой, угрожающе рычали, когда какая-нибудь пара глаз подбиралась слишком близко. Вот они зарычали так громко, что Билл проснулся. Осторожно, стараясь не разбудить товарища, он вылез из-под одеяла и подбросил хвороста в костер. **Огонь вспыхнул ярче, и кольцо глаз подалось назад.**

Билл посмотрел на сбившихся в кучу собак, протер глаза, взгляделся попристальнее и снова забрался под одеяло.

– Генри! – окликнул он товарища. – Генри!

Генри застонал, просыпаясь, и спросил:

– Ну, что там?

– Ничего, – услышал он, – только их опять семь. Я сейчас пересчитал.

Генри встретил это известие ворчанием, тотчас же перешедшим в храп, и снова погрузился в сон.

Утром он проснулся первым и разбудил товарища. До рассвета оставалось еще часа три, хотя было уже шесть часов утра. В темноте Генри занялся приготовлением завтрака, а Билл свернул постель и стал укладывать вещи в сани.

– Послушай, Генри, – спросил он вдруг, – сколько, ты говоришь, у нас было собак?

– Шесть.

– Вот и неверно! – заявил он с торжеством.

– Опять семь? – спросил Генри.

– Нет, пять. Одна пропала.

– Что за дьявол! – сердито крикнул Генри и, бросив стряпню, пошел пересчитать собак.

– Правильно, Билл, – сказал он. – Фэтти сбежал.

– Улизнул так быстро, что и не заметили. Пойди-ка сыщи его теперь.

– Пропашее дело, – ответил Генри. – Живьем слопали. Он, наверное, не один раз взвизгнул, когда эти дьяволы принялись его рвать.

– Фэтти всегда был глуповат, – сказал Билл.

– **У самого глупого пса** все-таки хватит ума не идти на верную смерть.

Он оглядел остальных собак, быстро оценивая в уме достоинства каждой.

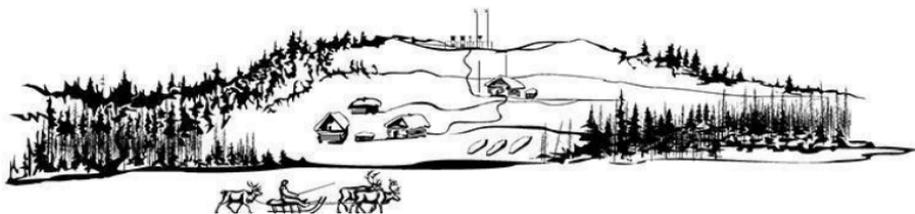
– **Эти умнее**, они такой штуки не выкинут.

– Их от костра и палкой не отгонишь, – согласился Билл. – Я всегда считал, что у Фэтти не все в порядке.

Таково было надгробное слово, посвященное собаке, погибшей на Северном пути, – и оно было ничуть не скупее многих других эпитафий погибшим собакам, да, пожалуй, и людям.

Что такое Северная глушь? Почему она оледенела до сердца?

Глушью называют какое-нибудь отдаленное мало населенное место, куда непросто добраться. Таких «глухих мест» больше всего на Севере: там нет обустроенного жилья, развитой промышленности. Долгими зимами все покрыто глубоким снегом, реки и озера сковывает лед, морозы бывают очень крепкими. В зимнее время жизнь в таких местах замирает: не слышно голосов зверей и птиц, никакого движения ветра, только деревья потрескивают от мороза. Поэтому такие места называют «Белым безмолвием».

Что такое упряжь?

Упряжь – специальное снаряжение для животных, которые тянут за собой или несут на себе груз. Задача ездовых собак – тянуть сани или нарты. Их упряжь включает следующие предметы: ошейник надевается на шею собаки; шлейка охватывает ее грудь, чтобы уменьшить нагрузку на шею; по-тяг – длинный поводок, за который собаки тащат груз, одним концом крепится к саням/нартам, другим (через постромки) – к шлейкам на собаках; шейник соединяет собаку с по-тягом или двух рядом запряженных собак.

Почему сани без полозьев и из коры? Что это за сани?

Ездовых собак запрягают в легкие сани длиной 2–4 м, шириной и высотой до полуметра. Их изобрели для перевозки небольших грузов и людей северные народы Азии и Северной Америки. Сани делают из тонких жердей или досок, скрепленных поперечинами; передний край загнут вверх, чтобы не загрести снег. Сани с полозьями – нарты, сзади к ним приделывают спинку, чтобы было удобно сидеть или держаться человеку. Сани без полозьев – тобогганы, они снизу обделываются корой, чтобы меньше проваливались в снег.

Зачем волк воет?

Волки чаще всего живут стаями, внутри которых устанавливаются определенные отношения, поддерживаемые разными способами. Один из таких способов – волчий вой: зверь выводит свои длинные переливчатые рулады, задрав голову и раскрыв пасть. Одинокий волк сообщает членам стаи о своем местонахождении. Волки затевают «хоровое пение», выражая дружеские чувства. Члены разных стай сообщают друг другу о занятых участках.

Почему зайцы пропали?

В северных краях зима – очень тяжелое время года для животных. Все покрывается толстым слоем снега – наступает бескормица. Поэтому многие звери и птицы, не находя себе пропитания, с наступлением холодов откочевывают или

перелетают в теплые края. Уходят с летних пастбищ олени и лоси: им становится трудно разгрести снег в поисках травы. Вслед за копытными отправляются волчьи стаи, надеясь добыть ослабевшее животное. В особо сильные морозы зайцы закапываются в снег, чтобы не замерзнуть.

Что такое бобы? На каком растении они растут?

Бобами называют семена фасоли – травянистого растения, которое разводят как пищевое. Бобы очень питательны из-за большого количества белка и углеводов. Сушеные бобы легко хранить и перевозить, для еды их отваривают. Благодаря питательности и простоте транспортировки и приготовления бобы раньше были чуть ли не основной пищей для людей, отправлявшихся в дальние путешествия по северным краям.

Почему собаки идут к костру?

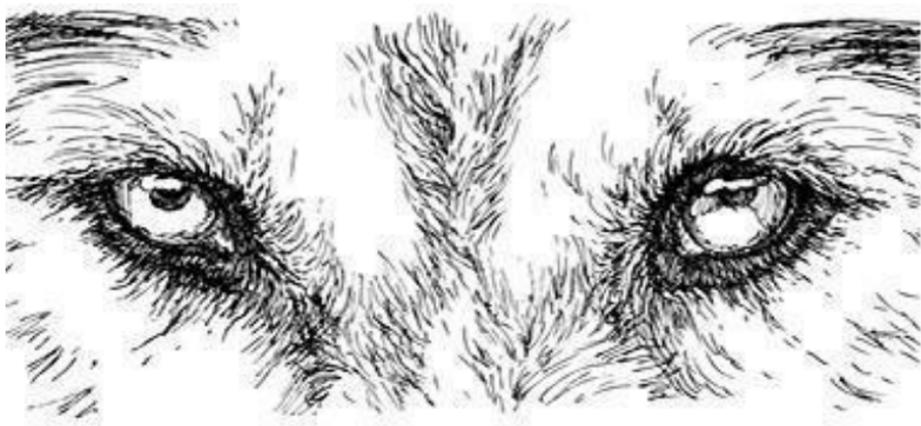
Когда природная добыча волков становится все менее до-

ступной и требующей все больше усилий, хищники теряют обычную осторожность. Особенно их привлекают собаки, с которыми волчья стая расправляется с легкостью. Собаки, если это только не специально натасканные охотничьи породы, очень боятся волков. Дикие звери опасаются человека, поэтому собаки собираются ближе к людям, ища защиты.

Почему глаза у волков горят, как угли? Они у них особенные?

У животных глаза в темноте «горят» не сами по себе, а отражая свет внешнего источника; механизм очень простой. Для повышения чувствительности зрачок глаза расширяется, малейший луч света попадает в глазное яблоко, частью поглощается особыми клетками, а частью отражается от глазного дна. Такой отраженный свет видит человек и думает, что глаза и вправду словно «горят». Поэтому сами волки, спрятавшиеся в темноте, не видны, но их глаза отражают свет костра. Так же «горят» глаза людей при фотовспышке.

Что такое мокасины?

Мокасины – обувь североамериканских индейцев. Мокасину шьют из цельного куска размягченной кожи оленей или других крупных животных, края кожи по стыкам скрепляют жилами или тонкими кожаными ремешками. На ноге мокасина также стягивается и закрепляется ремешками. Обычно мокасины делают низкими, но бывают и высокими – в форме сапог. Это мягкая, легкая и удобная обувь; правда, тонкая подошва при ходьбе стирается, поэтому индеец берет в дорогу с собой несколько пар.

Почему волки боятся огня? Все животные боятся огня?

Неверно, что животные боятся огня. Разумеется, застигнутые лесным пожаром, они стремятся избежать пламени. Но иногда приходится наблюдать, как копытные пасутся вблизи полыхающих деревьев, а голодные хищники подходят к только что оставленному кострищу в надежде найти какие-то съедобные остатки. Так что волков останавливает

не сам огонь, а люди: они опасаются атаковать, зная, что могут получить отпор.

Разве бывают умные и глупые собаки?

Хищные животные, особенно живущие стаями, наделены развитым интеллектом. Он нужен зверям, чтобы на охоте согласованными действиями обмануть жертву и добыть себе пропитание или сообща противостоять врагу. Собаки относятся к числу таких «интеллектуалов»; к тому же человек, приручая их, отбирал наиболее понятливых особей. Но и среди собак попадаются бестолковые, которые могут забыть

об опасности.

Глава вторая

Волчица

Позавтракав и уложив в сани свои скудные пожитки, Билл и Генри покинули приветливый костер и двинулись в темноту. И тотчас же послышался вой – дикий, заунывный вой; сквозь мрак и холод он долетал до них отовсюду. Путники шли молча. Рассвело в девять часов.

В полдень небо на юге порозовело – в том месте, где **выпуклость земного шара** **встает преградой** между полуденным солнцем и страной Севера. Но розовый отблеск быстро померк. Серый дневной свет, сменивший его, продержался **до трех часов**, потом и он погас, и над пустынным безмолвным краем опустился полог арктической ночи.

Как только наступила темнота, вой, преследовавший путников и справа, и слева, и сзади, послышался ближе; по временам он раздавался так близко, что собаки не выдерживали и начинали метаться в постромках.

После одного из таких припадков панического страха, когда Билл и Генри снова привели упряжку в порядок, Билл сказал:

– Хорошо бы они на какую-нибудь дичь напали и оставили нас в покое.

– Да, слушать их малоприятно, – согласился Генри.

И они замолчали до следующего привала.

Генри стоял, нагнувшись, над закипающим котелком с бобами и подкладывал туда колотый лед, когда за его спиной вдруг послышался звук удара, возглас Билла и пронзительный визг собак. Он выпрямился и успел разглядеть только неясные очертания какого-то зверя, промчавшегося по снегу и скрывшегося в темноте. Потом Генри увидел, что Билл не то с торжествующим, не то с убитым видом стоит среди собак, держа в одной руке палку, а в другой **хвост вяленого лосося**.

– Половину все-таки утащил! – крикнул он. – Зато я выпал ему как следует. Слышал визг?

– А кто это? – спросил Генри.

– Не разобрал. Могу только сказать, что ноги, и пасть, и шкура у него имеются, как у всякой собаки.

– Ручной волк, что ли?

– Волк или не волк, только, должно быть, действительно ручной, если является прямо к кормежке и хватает рыбу.

Этой ночью, когда они сидели после ужина на ящике, покуривая трубки, круг горящих глаз сузился еще больше.

– Хорошо бы они **стадо лосей** где-нибудь спугнули и оставили нас в покое, – сказал Билл.

Его товарищ пробормотал что-то не совсем любезное, и минут двадцать они сидели молча: Генри – уставившись на огонь, а Билл – на круг горящих глаз, светившийся в темноте, совсем близко от костра.

– Хорошо было бы сейчас подкатить к Мак-Гэрри... – сно-

ва начал Билл.

– Да брось ты свое «хорошо бы», перестань ныть! – не выдержал Генри. – Изжога у тебя, вот ты и скулишь. Выпей соды – сразу полегчает, и мне с тобою будет веселее.

Утром Генри разбудила отчаянная брань. Он поднялся на локте и увидел, что Билл стоит среди собак у разгорающегося костра и с искаженным от бешенства лицом яростно размахивает руками.

– Эй! – крикнул Генри. – Что случилось?

– Фрог убежал, – услышал он в ответ.

– Быть не может!

– Говорю тебе, убежал.

Генри выскочил из-под одеяла и кинулся к собакам.

Внимательно пересчитав их, он присоединил свой голос к проклятиям, которые его товарищ посылал по адресу все-сильной Северной глуши, лишившей их еще одной собаки.

– Фрог был самый сильный во всей упряжке, – закончил свою речь Билл.

– И ведь смысленный! – прибавил Генри.

Такова была вторая эпитафия за эти два дня.

Завтрак прошел невесело; оставшуюся четверку собак запрягли в сани. День этот был точным повторением многих предыдущих дней. Путники молча брели по снежной пустыне. Безмолвие нарушал лишь вой преследователей, которые гнались за ними по пятам, не показываясь на глаза. С наступлением темноты, когда погоня, как и следовало ожидать,

приблизилась, вой послышался почти рядом; собаки дрожали от страха, метались и путали построшки, еще больше угнетая этим людей.

– Ну, безмозглые твари, теперь уж никуда не денетесь, – с довольным видом сказал Билл на очередной стоянке.

Генри оставил стряпню и подошел посмотреть. Его товарищ привязал собак по индейскому способу, к палкам. На шею каждой собаки он надел кожаную петлю, к петле привязал толстую длинную палку – вплотную к шее; другой конец палки был прикреплен кожаным ремнем к вбитому в землю колу. Собаки не могли перегрызть ремень около шеи, а палки мешали им достать зубами привязь у кола.

Генри одобрительно кивнул головой:

– Одноухого только таким способом и можно удержать. **Ему ничего не стоит перегрызть ремень – все равно что ножом полоснуть.** А так к утру все целы будут.

– Ну еще бы! – сказал Билл. – Если хоть одна пропадет, я завтра от кофе откажусь.

– А ведь они знают, что нам нечем их припугнуть, – заметил Генри, укладываясь спать и показывая на мерцающий круг, который окаймлял их стоянку. – Пальнуть бы в них разок-другой – живо бы уважение к нам почувствовали. С каждой ночью все ближе и ближе подбираются. Отведи глаза от огня, взглядишь-ка в ту сторону. Ну? Видел вон того?

Оба стали с интересом наблюдать за смутными силуэтами,двигающимися позади костра. Пристально всматриваясь

в то место, где в темноте сверкала пара глаз, можно было разглядеть очертания зверя. По временам удавалось даже заметить, как эти звери переходят с места на место.

Возня среди собак привлекла внимание Билла и Генри. Нетерпеливо повизгивая, Одноухий то рвался с привязи в темноту, то, отступая назад, с остервенением грыз палку.

– Смотри, Билл, – прошептал Генри.

В круг, освещенный костром, неслышными шагами, боком, проскользнул зверь, похожий на собаку. Он подходил трусливо и в то же время нагло, устремив все внимание на собак, но не упуская из виду и людей. **Одноухий рванулся к пришельцу, насколько позволяла палка, и нетерпеливо заскулил.**

– Этот болван, кажется, ни капли не боится, – тихо сказал Билл.

– Волчица, – шепнул Генри. – Теперь я понимаю, что произошло с Фэтти и с Фрогом. Стая выпускает ее как приманку. Она привлекает собак, а остальные набрасываются и сжирают их.

В огне что-то затрещало. Головня откатилась в сторону с громким шипением. Испуганный зверь одним прыжком скрылся в темноте.

– Знаешь, что я думаю, Генри? – сказал Билл.

– Что?

– Это та самая, которую я огрел палкой.

– Можешь не сомневаться, – ответил Генри.

– Я вот что хочу сказать, – продолжал Билл, – видно, она привыкла к кострам, а это весьма подозрительно.

– Она знает больше, чем полагается знать уважающей себя волчице, – согласился Генри. – Волчица, которая является к кормежке собак, – бывалый зверь.

– У старика Виллэна была когда-то собака, и она ушла вместе с волками, – размышлял вслух Билл. – Кому это знать, как не мне? Я подстрелил ее в стае волков на лосином пастбище у Литл-Стика. Старик Виллэн плакал как ребенок. Говорил, что целых три года ее не видел. **И все эти три года она бегала с волками.**

– Это не волк, а собака, и ей не раз приходилось есть рыбу из рук человека. Ты попал в самую точку, Билл.

– Если мне только удастся, я ее уложу, и она будет не волк и не собака, а просто падаль, – заявил Билл. – Нам больше нельзя собак терять.

– Да ведь у тебя только три патрона, – возразил ему Генри.

– А я буду целиться наверняка, – последовал ответ.

Утром Генри снова разжег костер и занялся приготовлением завтрака под храп товарища.

– Уж больно ты хорошо спал, – сказал он, поднимая его ото сна. – Будить тебя не хотелось.

Еще не проснувшись как следует, Билл принялся за еду. Заметив, что его кружка пуста, он потянулся за кофейником. Но кофейник стоял далеко, возле Генри.

– Слушай, Генри, – сказал он с мягким упреком, – ты ни-

чего не забыл?

Генри внимательно огляделся по сторонам и покачал головой. Билл протянул ему пустую кружку.

– Не будет тебе кофе, – объявил Генри.

– Неужели весь вышел? – испуганно спросил Билл.

– Нет, не вышел.

– Боишься, что у меня желудок испортится?

– Нет, не боюсь.

Краска гнева залила лицо Билла.

– Так в чем же тогда дело, объясни, не томи меня, – сказал он.

– Спэнкер убежал, – ответил Генри.

Медленно, с видом полнейшей покорности судьбе, Билл повернул голову и, не сходя с места, пересчитал собак.

– Как это случилось? – безучастно спросил он.

Генри пожал плечами:

– Не знаю. Должно быть, Одноухий перегрыз ему ремень. Сам-то он, конечно, не мог этого сделать.

– Проклятая тварь! – медленно проговорил Билл, ничем не выдавая кипевшего в нем гнева. – У себя ремень перегрызть не мог, так у Спэнкера перегрыз.

– Ну, для Спэнкера теперь все жизненные тревоги кончились. Волки, наверно, уже переварили его, и теперь он у них в кишках. – Такую эпитафию прочел Генри третьей собаке. – Выпей кофе, Билл.

Но Билл покачал головой.

– Ну выпей, – настаивал Генри, подняв кофейник.

Билл отодвинул свою кружку.

– Будь я проклят, если выпью! Сказал, что не буду, если собака пропадет, – значит, не буду.

– Прекрасный кофе! – соблазнял его Генри.

Но Билл не сдался и позавтракал всухомятку, сдобривая еду нечленораздельными проклятиями по адресу Одноухого, сыгравшего с ними такую скверную шутку.

– Сегодня на ночь привяжу их всех поодиночке, – сказал Билл, когда они тронулись в путь.

Пройдя не больше ста шагов, Генри, шедший впереди, нагнулся и поднял какой-то предмет, попавший ему под лыжи. В темноте он не мог разглядеть, что это такое, но узнал на ощупь и швырнул эту вещь назад, так что она стукнулась о сани и отскочила прямо к лыжам Билла.

– Может быть, тебе это еще понадобится, – сказал Генри.

Билл ахнул. Вот все, что осталось от Спэнкера, – палка, которая была привязана ему к шее.

– Начисто сожрали, – сказал Билл. – И даже ремней на палке не оставили. Здорово же они проголодались, Генри... Чего доброго, еще и до нас с тобой доберутся.

Генри вызывающе рассмеялся.

– Правда, волки никогда за мной не гонялись, но мне приходилось и хуже этого, а все-таки жив остался. Десятка назойливых тварей еще недостаточно, чтобы доконать твоего покорного слугу, Билл!

– Посмотрим, посмотрим... – зловеще пробормотал его товарищ.

– Ну вот, когда будем подъезжать к Мак-Гэрри, тогда и посмотришь.

– Не очень-то я на это надеюсь, – стоял на своем Билл.

– Ты просто не в духе, и больше ничего, – решительно заявил Генри. – **Тебе надо хины принять.** Вот дай только до Мак-Гэрри добраться, я тебе вкачу хорошую дозу.

Билл проворчал что-то, выражая свое несогласие с таким диагнозом, и погрузился в молчание.

День прошел, как и все предыдущие.

Рассвело в девять часов. В двенадцать горизонт на юге порозовел от невидимого солнца, и наступил хмурый день, который через три часа должна была поглотить ночь.

Как раз в ту минуту, когда солнце сделало слабую попытку выглянуть из-за горизонта, Билл вынул из саней ружье и сказал:

– Ты не останавливайся, Генри. Я пойду взглянуть, что там делается.

– Не отходи от саней! – крикнул ему Генри. – Ведь у тебя всего три патрона. Кто его знает, что может случиться...

– Ага! Теперь ты заскулил? – торжествующе спросил Билл.

Генри промолчал и пошел дальше один, то и дело беспокойно оглядываясь назад в пустынную мглу, где исчез его товарищ.

Час спустя Билл догнал сани, сократив расстояние напрямик.

– Широко разбрелись, – сказал он, – повсюду рыщут, но и от нас не отстают. Видно, уверены, что мы от них не уйдем. Решили потерпеть немного, не хотят упускать ничего съедобного.

– То есть им кажется, что мы не уйдем от них, – подчеркнул Генри.

Но Билл оставил эти слова без внимания.

– Я некоторых видел – тощие! **Наверно, давно им ничего не перепало**, если не считать Фэтти, Фрога и Спэнкера. А стая большая, съели и не почувствовали. Здорово отошались. Ребра как стиральная доска, и животы совсем подвело. Одним словом, дошли до крайности. Того и гляди всякий страх забудут, а тогда держи ухо востро!

Через несколько минут Генри, который шел теперь за санями, издал тихий предостерегающий свист.

Билл оглянулся и спокойно остановил собак. За поворотом, который они только что прошли, по их свежим следам бежал поджарый пушистый зверь. Принюхиваясь к снегу, он бежал легкой, скользкой рысцой. Когда люди остановились, остановился и он, вытянув морду и втягивая вздрагивающими ноздрями доносившиеся до него запахи.

– Она. Волчица, – сказал Билл.

Собаки лежали на снегу. Он прошел мимо них к товарищу, стоявшему около саней. Оба стали разглядывать стран-

ного зверя, который уже несколько дней преследовал их и уничтожил половину упряжки.

Выждав и осмотревшись, зверь сделал несколько шагов вперед. Он повторял этот маневр до тех пор, пока не подошел к саням ярдов на сто, потом остановился около елей, поднял морду и, поводя носом, стал внимательно следить за наблюдавшими за ним людьми. В этом взгляде было что-то тоскливое, напоминавшее взгляд собаки, но без тени собачьей преданности. Это была тоска, рожденная голодом, жестоким, как волчьи клыки, безжалостным, как стужа.

Для волка зверь был велик, и, несмотря на его худобу, видно было, что **он принадлежит к самым крупным представителям своей породы.**

– Ростом фута два с половиной, – определил Генри. – И от головы до хвоста наверняка около пяти будет.

– Не совсем обычная масть для волка, – сказал Билл. – Я никогда рыжих не видал. А этот какой-то красновато-коричневый.

Билл ошибался. Шерсть у зверя была настоящая волчья. Преобладал в ней серый волос, но легкий красноватый оттенок, то исчезающий, то появляющийся снова, создавал обманчивое впечатление – шерсть казалась то серой, то вдруг отливала рыжинкой.

– Самая настоящая ездовая лайка, только покрупнее, – сказал Билл. – Того и гляди хвостом завилает.

– Эй ты, лайка! – крикнул он. – Подойди-ка сюда... Как

там тебя зовут!

– Да она ни капельки не боится, – засмеялся Генри.

Его товарищ крикнул громче и погрозил зверю кулаком, однако тот не проявил ни малейшего страха и только еще больше насторожился. Он продолжал смотреть на них все с той же беспощадной голодной тоской. Перед ним было мясо, а он голодал. И если бы у него только хватило смелости, он кинулся бы на людей и сожрал их.

– Слушай, Генри, – сказал Билл, бессознательно понизив голос до шепота. – У нас три патрона. Но ведь ее можно убить наповал. Тут не промахнешься. Трех собак как не бывало, надо же положить этому конец. Что ты скажешь?

Генри кивнул головой в знак согласия.

Билл осторожно вытащил ружье из саней, поднял было его, но так и не донес до плеча. Волчица прыгнула с тропы в сторону и скрылась среди елей. Друзья посмотрели друг на друга. Генри многозначительно засвистел.

– Эх, не сообразил я! – воскликнул Билл, кладя ружье на место. – **Как же такой волчице не знать ружья**, когда она знает время кормежки собак! Говорю тебе, Генри, во всех наших несчастьях виновата она. Если бы не эта тварь, у нас сейчас было бы шесть собак, а не три. Нет, Генри, я до нее доберусь. **На открытом месте ее не убьешь, слишком умна. Но я ее выслежу. Я подстрелю эту тварь из засады.**

– Только далеко не отходи, – предупредил его Генри. –

Если они на тебя всей стаей набросятся, три патрона тебе помогут как мертвому припарки. Уж очень это зверье проголодалось. Смотри, Билл, попадешься им!

В эту ночь остановка была сделана рано. Три собаки не могли везти сани так быстро и так подолгу, как это делали шесть; они заметно выбились из сил. Билл привязал их по-дальше друг от друга, чтобы они не перегрызли ремней, и оба путника сразу легли спать. Но волки осмелели и ночью не раз будили их. Они подходили так близко, что собаки начинали бесноваться от страха, и, для того чтобы удерживать осмелевших хищников на расстоянии, приходилось то и дело подкладывать сучья в костер.

– Моряки рассказывают, будто акулы любят плавать за кораблями, – сказал Билл, забираясь под одеяло после одной из таких прогулок к костру. – Так вот, волки – это сухопутные акулы. Они свое дело получше нас с тобой знают и бегут за нами вовсе не для моциона. Попадемся мы им, Генри. Вот увидишь, попадемся.

– Ты, можно считать, уже попался, если столько говоришь об этом, – отрезал его товарищ. – Кто боится порки, тот все равно что выпорот, а ты все равно что у волков на зубах.

– **Они приканчивали людей и получше нас с тобой,** – ответил Билл.

– Да перестань ты скулить! Сил моих больше нет!

Генри сердито перевернулся на другой бок, удивляясь тому, что Билл промолчал. Это на него не было похоже, пото-

му что резкие слова легко выводили его из себя. Генри долго думал об этом, прежде чем заснуть, но в конце концов веки его начали слипаться, и он погрузился в сон с такой мыслью: «Хандрит Билл. Надо будет растормошить его завтра».

Почему там такой короткий день?

Земля, вращаясь по орбите вокруг Солнца, крутится вокруг своей оси наподобие волчка. При этом земная ось плавно качается из стороны в сторону, наклоняясь то в направлении Солнца, то от него. В результате земная поверхность в северных районах оказывается то на солнечной стороне, то в «тени». Когда ось наклонена к Солнцу, на севере наступает лето, приходит тепло, почти круглые сутки день. Когда ось наклонена от Солнца, наступает зима, Солнце почти не показывается из-за горизонта, приходит полярная ночь.

Ездовые собаки едят вяленого лосося?

Ездовые собаки – неприхотливые животные, обитание в суровых условиях приучило их довольствоваться простой пищей. Люди их кормят в основном красной рыбой – она очень питательная, ее легко добывать во время нереста и сохранять в вяленом (сушеном) или замороженном виде. Летом, когда собаки не работают, их кормят раз в 2–3 дня, зи-

мой на перегонах они получают пищу каждый вечер. Собакам дают одну крупную или несколько мелких рыбин.

Что за животное лось?
Стадо лосей – это сколько?

Лось – отдаленный родственник оленей. Это самый круп-

ный представитель семейства оленьих: взрослые самцы высотой в холке до 2,3 м, весят до 650 кг. Лося легко узнать: туловище довольно короткое, ноги высокие, на короткой шее крупная горбоносая голова. Верх тела у него темно-бурый, а ноги светлые. Самцы украшены рогами: у молодых зверей они с 2–3 отростками, у старых огромные, уплощенные, размахом до 180 см. На зиму рога сбрасываются и вновь отрастают весной.

Лоси живут в таежных и смешанных лесах, в лесотундре, держатся в сырых местах вблизи водоемов. Питаются разнообразной растительностью, летом могут нырять на глубину 2–3 м за водорослями, зимой поедает ветки и хвою. Самцы и самки держатся небольшими группами до 10 особей, самки с детенышами пасутся отдельно от всех. Если на лося нападают волки, он становится задом к дереву, чтобы защититься с тыла, и отбивается от хищников передними ногами.

У ездовых собак такие острые зубы?

У хищных млекопитающих зубная система приспособлена к умерщвлению живой добычи и разгрызанию мяса, жил, костей. Позади клыков расположены особые режущие зубы, которые так и называются – хищнические. У кошки эти зубы особенно острые, ими она словно ножницами рассекает волокна. У собаки зубы не столь острые, поэтому она вряд ли способна «как ножом полоснуть» кожаный ремень – скорее, пережует его, медленно и методично.

Почему собака рвется к волчице?

У волков в конце зимы начинается период размножения. В это время у волчиц начинается течка, они выделяют особые пахучие вещества, которые привлекают самцов. Волки грызутся между собой и стараются отогнать соперников от самки. В этот период волчица становится особо привлекательной и для кобелей. Кобель, почуяв волчицу, забывает о привязанности к человеку, о таящейся опасности.

Почему собака бегала с волками?

Случается так, что собака, попав в волчью стаю, становится подругой одного из них. Поскольку собаки и волки – ближайšie родичи, смешанные пары приносят нормальное потомство. Волк и собака образуют семью, у них рождаются щенки – гибриды волка и собаки (волкособы), которые становятся членами волчьей стаи. Там, где волков мало, а собак много, «гибридные» стаи бывают многочисленны.

А вообще какие бывают ездовые собаки?

Среди множества пород собак, выведенных человеком, – охотничьи, пастушьи, декоративные и др. – есть особая группа ездовых собак. Их родина – холодные районы Азии и Северной Америки, где они появились около 8000 лет тому назад. Основное назначение этих собак – возить за собой сани с грузом по снегу или по льду, зимой они совершенно незаменимые помощники людей. Вообще, возить повозку можно научить любую собаку, но специально выведенные породы особо выносливы и приспособлены к долгому бегу, приучены к дружной работе в упряжке, для защиты от морозов у них очень густая шерсть. Существует более десятка пород ездовых собак – ездовые лайки, хаски, маламуты. Они среднего размера, с небольшими стоячими ушами, с плотно закрученным хвостом. Окраска разнообразная, обычно сочетание черных, серых и белых тонов.

Что такое хина? Это растение? От чего она спасает?

Медицинский препарат хинин делают из коры хинного дерева. Его родина – верховья реки Амазонки в Южной Америке. Хинин очень горький на вкус. Он раньше использовался в основном как средство от малярии, оказывает также некоторое успокаивающее действие. В той ситуации, в какой оказались Генри и Билл, прием хины совершенно бесполезен – «как мертвому припарка».

А какое время волки могут голодать?

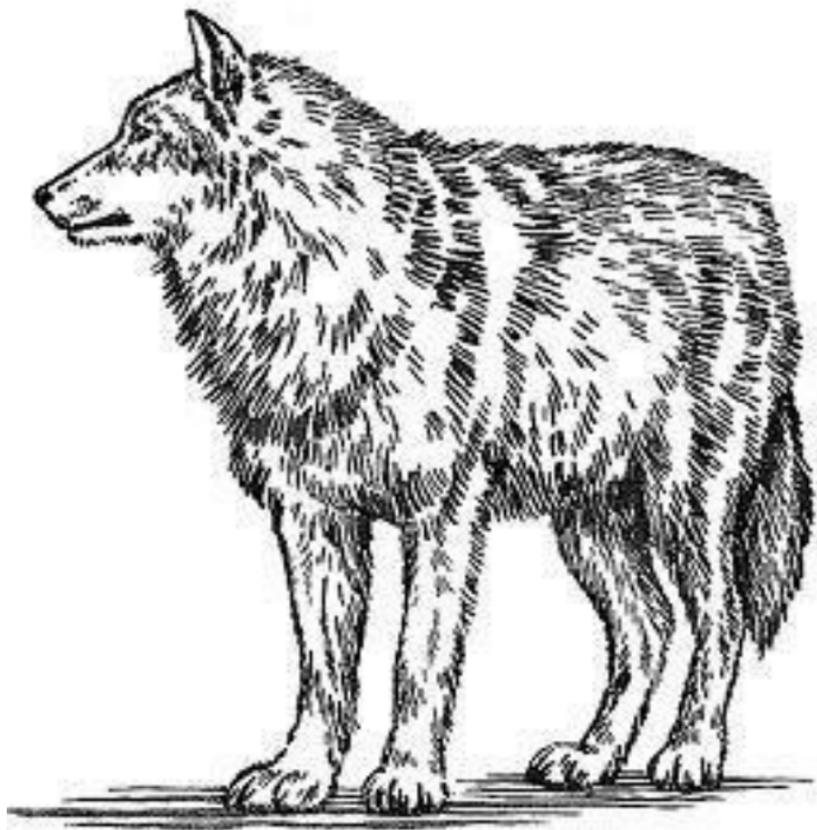
Дикие хищные звери, охотящиеся на крупную добычу, питаются нерегулярно. Волки обычно охотятся раз в 3–4 дня: обнаружив оленя или лося, стая упорно гонит его многие километры. Тогда волки наедаются буквально до отвала: один зверь способен за раз съесть 5–7 кг мяса. Хищники несколько дней переваривают пищу, а затем отправляются на поиски новой жертвы. Зимой, когда подходящей добычи нет, волки могут голодать до двух недель.

Какого размера и цвета обычно волки?

Волки – самые крупные дикие представители семейства псовых, крупнее них только собаки-мастифы. Волки сильно

различаются размерами: самые мелкие пустынные весят до 20 кг, самые крупные тундровые – до 80 кг. Волков обычно называют «серыми», но их окраска разнообразна и зависит от местности: лесные волки серо-бурые, тундровые светлые, почти белые. В Северной Америке нередко попадаются почти черные или буро-рыжие звери.

**Разве обычный волк не боится ружья?
Разве человек может подстрелить лису,
волка из засады? А как охотятся на волков?**

Как только человек стал разводить домашнюю скотину,

волк из соседа превратился в злостного врага. Человек стал придумывать способы его истребления, а волк – способы выживания. Так и продолжается почти десять тысяч лет взаимная вражда. Для человека безопасный способ охоты на хищника – засада с приманкой. Популярна охота с флажками: участок, где укрылась стая волков, обносят веревками с болтающимися на них красными тряпками, в одном месте оставляют проход, где прячутся охотники, загонщики громкими криками гонят волков в сторону охотников, хищники пугаются флажков и бегут прямо на охотников. Специально для охоты на волков вывели несколько пород охотничьих собак, на Руси наиболее популярна охота с борзыми: загонщики по следам отыскивают волка, выгоняют его в поле, там на него натравливают свору собак, те гонят хищника и обычно загрызают.

Глава третья

Песнь голода

Поначалу день сулил удачу. За ночь не пропало ни одной собаки, и Генри с Биллом бодро двинулись в путь среди окружающего их безмолвия, мрака и холода. Билл как будто не вспоминал о мрачных предчувствиях, тревоживших его прошлой ночью, и даже изволил подшутить над собаками, когда на одном из поворотов они опрокинули сани. Все смешалось в кучу. Перевернувшись, сани застряли между деревом и громадным валуном, и, чтобы разобраться во всей этой путанице, пришлось распрягать собак. Путники нагнулись над санями, стараясь поднять их, как вдруг Генри увидел, что Одноухий убегает в сторону.

– Назад, Одноухий! – крикнул он, вставая с колен и глядя собаке вслед.

Но Одноухий припустил еще быстрее, волоча по снегу постромки. А там, на только что пройденном ими пути, его поджидала волчица. Подбегая к ней, Одноухий наострил уши, перешел на легкий мелкий шаг, потом остановился. Он глядел на нее внимательно, недоверчиво, но с жадностью. А она скалила зубы, как будто улыбаясь ему вкрадчивой улыбкой, потом сделала несколько игривых прыжков и остановилась. Одноухий пошел к ней все еще с опаской, задрал хвост, наострив уши и высоко подняв голову.

Он хотел было обнюхать ее, но волчица подалась назад, лукаво заигрывая с ним. Каждый раз, как он делал шаг вперед, она отступала назад. И так, шаг за шагом, волчица увлекала Одноухого за собой, все дальше от его надежных защитников – людей. Вдруг как будто неясное опасение остановило Одноухого. Он повернул голову и посмотрел на опрокинутые сани, на своих товарищей по упряжке и на подзывающих его хозяев. Но если что-нибудь подобное и мелькнуло в голове у пса, волчица вмиг рассеяла всю его нерешительность: она подошла к нему, на мгновение коснулась его носом, а потом снова начала, играя, отходить все дальше и дальше.

Тем временем Билл вспомнил о ружье. Но оно лежало под перевернутыми санями, и пока Генри помог ему разобрать поклажу, Одноухий и волчица так близко подошли друг к другу, что стрелять на таком расстоянии было рискованно.

Слишком поздно понял Одноухий свою ошибку. Еще не догадываясь, в чем дело, Билл и Генри увидели, как он повернулся и бросился бежать назад, к ним. А потом они увидели штук двенадцать тощих серых волков, которые мчались под прямым углом к дороге, наперерез Одноухому. В одно мгновение волчица оставила всю свою игривость и лукавство – с рычанием кинулась она на Одноухого. Тот отбросил ее плечом, убедился, что обратный путь отрезан, и, все еще надеясь добежать до саней, бросился к ним по кругу. С каждой минутой волков становилось все больше и больше. Волчица неслась за собакой, держась на расстоянии одного

прыжка от нее.

– Куда ты? – вдруг крикнул Генри, схватив товарища за плечо.

Билл стряхнул его руку.

– Довольно! – сказал он. – Больше они ни одной собаки не получат!

С ружьем наперевес он бросился в кустарник, окаймлявший речное русло. Его намерения были совершенно ясны: приняв сани за центр круга, по которому бежала собака, Билл рассчитывал перерезать этот круг в той точке, куда погоня еще не достигла. Среди бела дня, имея в руках ружье, отогнать волков и спасти собаку было вполне возможно.

– Осторожнее, Билл! – крикнул ему вдогонку Генри. – Не рискуй зря!

Генри сел на сани и стал ждать, что будет дальше. Ничего другого ему не оставалось. Билл уже скрылся из виду, но в кустах и среди растущих кучками елей то появлялся, то снова исчезал Одноухий. Генри понял, что положение собаки безнадежно. Она прекрасно сознавала опасность, но ей приходилось бежать по внешнему кругу, тогда как стая волков мчалась по внутреннему, более узкому. Нечего было и думать, что Одноухий сможет настолько опередить своих преследователей, чтобы пересечь их путь и добраться до саней. Обе линии каждую минуту могли сомкнуться. Генри знал, что где-то там, в снегах, **заслоненные от него деревьями и кустарником**, в одной точке должны сойтись стая волков,

Одноухий и Билл.

Все произошло быстро, гораздо быстрее, чем он ожидал. Раздался выстрел, потом еще два – один за другим, и Генри понял, что заряды у Билла вышли. Вслед за тем послышались визги и громкое рычание. Генри различил голос Одноухого, взывшего от боли и ужаса, и вой раненого, очевидно, волка.

И все. Рычание смолкло. Визг прекратился. Над безлюдным краем снова нависла тишина.

Генри долго сидел на санях. Ему незачем было идти туда: все было ясно, как будто встреча Билла со стаей произошла у него на глазах. Только один раз он вскочил с места и быстро вытащил из саней топор, но потом снова опустился на сани и хмуро уставился прямо перед собой, а две уцелевшие собаки жались к его ногам и дрожали от страха.

Наконец он поднялся – так устало, как будто мускулы его потеряли всякую упругость, – и стал запрягать. Одну постромку он надел себе на плечи и вместе с собаками потащил сани. Но шел он недолго и, как только стало темнеть, сделал остановку и заготовил как можно больше хвороста; потом накормил собак, поужинал и постелил себе около самого костра.

Но ему не суждено было насладиться сном. Не успел он закрыть глаза, как волки подошли чуть ли не вплотную к огню. Чтобы разглядеть их, уже не нужно было напрягать зрение. Тесным кольцом окружили они костер, и Генри совершенно ясно видел, как одни из них лежали, другие сидели,

третьи подползали на брюхе поближе к огню или бродили вокруг него. Некоторые даже спали. Они свертывались на снегу клубочком, по-собачьи, и спали крепким сном, а он сам не мог теперь сомкнуть глаз.

Генри развел большой костер, так как он знал, что только огонь служит преградой между его телом и клыками **ГОЛОДНЫХ ВОЛКОВ**. Обе собаки сидели у ног своего хозяина – одна справа, другая слева – в надежде, что он защитит их; они выли, взвизгивали и принимались исступленно лаять, если какой-нибудь волк подбирался к костру ближе остальных. Заслышав лай, весь круг приходил в движение, волки вскакивали со своих мест и порывались вперед, нетерпеливо воя и рыча, потом снова укладывались на снегу и один за другим погружались в сон.

Круг сжимался все теснее и теснее. Мало-помалу, дюйм за дюймом, то один, то другой волк ползком подвигался вперед, пока все они не оказывались на расстоянии почти одного прыжка от Генри. Тогда он выхватывал из костра головни и швырял ими в стаю. Это вызывало поспешное отступление, сопровождаемое разъяренным воем и испуганным рычанием, если пущенная меткой рукой головня попадала в какого-нибудь слишком смелого волка.

К утру Генри осунулся, глаза у него запали от бессонницы. В темноте он сварил себе завтрак, а в девять часов, когда дневной свет разогнал волков, принялся за дело, которое обдумал в долгие ночные часы. Он срубил несколько моло-

дых елей и, привязав их высоко к деревьям, устроил помост, затем, перекинув через него веревки от саней, с помощью собак поднял гроб и установил его там, навёрху.

– До Билла добрались и до меня, может, доберутся, но вас-то, молодой человек, им не достать, – сказал он, обращаясь к мертвецу, погребенному высоко на деревьях.

Покончив с этим, Генри пустился в путь. Порожние сани легко подпрыгивали за собаками, которые прибавили ходу, зная, как и человек, что опасность минует их только тогда, когда они доберутся до форта Мак-Гэрри.

Теперь волки совсем осмелели: **спокойной рысцой бежали они позади саней и рядом, высунув языки**, поводя тощими боками. Волки были до того худы – кожа да кости, только мускулы проступали, точно веревки, – что Генри удивлялся, как они держатся на ногах и не валятся в снег.

Он боялся, что темнота застанет его в пути.

В полдень солнце не только согрело южную часть неба, но даже бледным золотистым краешком показалось над горизонтом. Генри увидел в этом доброе предзнаменование. Дни становились длиннее. Солнце возвращалось в эти края. Но как только приветливые лучи его померкли, Генри сделал привал. До полной темноты оставалось еще несколько часов серого дневного света и мрачных сумерек, и он употребил их на то, чтобы запасти как можно больше хвороста.

Вместе с темнотой к нему пришел ужас. Волки осмелели, да и проведенная без сна ночь давала себя знать. Закутав-

шись в одеяло, положив топор между ног, он сидел около костра и никак не мог преодолеть дремоту. Обе собаки жались вплотную к нему. Среди ночи он проснулся и в каких-нибудь двенадцати футах от себя увидел большого серого волка, одного из самых крупных во всей стае. **Зверь медленно потянулся, точно разленившийся пес**, и всей пастью зевнул Генри прямо в лицо, поглядывая на него, как на свою собственность, как на добычу, которая рано или поздно достанется ему.

Такая уверенность чувствовалась в поведении всей стаи. Генри насчитал штук двадцать волков, смотревших на него голодными глазами или спокойно спавших на снегу. Они напоминали ему детей, которые собрались вокруг накрытого стола и ждут только разрешения, чтобы наброситься на лакомство. И этим лакомством суждено стать ему! «Когда же волки начнут свой пир?» – думал он.

Подкладывая хворост в костер, Генри заметил, что теперь он совершенно по-новому относится к собственному телу. Он наблюдал за работой своих мускулов и с интересом разглядывал хитрый механизм пальцев. При свете костра **он несколько раз подряд сгибал их, то поодиночке, то все сразу, то растопыривал, то быстро сжимал в кулак**. Он приглядывался к строению ногтей, пощипывал кончики пальцев, то сильнее, то мягче, испытывая чувствительность своей нервной системы. Все это восхищало Генри, и он внезапно проникся нежностью к своему телу, которое работа-

ло так легко, так точно и совершенно. Потом он бросал боязливый взгляд на волков, смыкавшихся вокруг костра все теснее, и его, словно громом, поражала вдруг мысль, что это чудесное тело, эта живая плоть есть не что иное, как мясо – предмет вожеления прожорливых зверей, которые разорвут, раздерут его своими клыками, утолят им свой голод так же, как он сам не раз утолял голод мясом лося и зайца.

Он очнулся от дремоты, граничившей с кошмаром, и увидел перед собой рыжую волчицу. Она сидела в каких-нибудь шести футах от костра и тоскливо поглядывала на человека. Обе собаки скулили и рычали у его ног, но волчица словно и не замечала их. Она смотрела на человека, и в течение нескольких минут он отвечал ей тем же. Вид у нее был совсем не свирепый. В глазах ее светилась страшная тоска, но Генри знал, что тоска эта порождена таким же страшным голодом. Он был пищей, и вид этой пищи возбуждал в волчице вкусовые ощущения. Пасть ее была разинута, слюна **капала на снег**, и она облизывалась, предвкушая поживу.

Безумный страх охватил Генри. Он быстро протянул руку за головней, но не успел дотронуться до нее, как волчица отпрянула назад: видимо, она привыкла к тому, чтобы в нее швыряли чем попало. Волчица огрызнулась, оскалив белые клыки до самых десен, тоска в ее глазах сменилась такой кровожадной злобой, что Генри вздрогнул. Он взглянул на свою руку, заметил, с какой ловкостью пальцы держали головню, как они прилаживались ко всем ее неровностям,

охватывая со всех сторон шероховатую поверхность, как мизинец помимо его воли, сам собой, отодвинулся подальше от горячего места, – взглянул и в ту же минуту ясно представил себе, как белые зубы волчицы вонзятся в эти тонкие, нежные пальцы и разорвут их. Никогда еще Генри не любил своего тела так, как теперь, когда существование его было столь непрочным.

Всю ночь Генри отбивался от голодной стаи горящими головнями, засыпал, когда бороться с дремотой не хватало сил, и просыпался от визга и рычания собак. Наступило утро, но на этот раз дневной свет не прогнал волков. Человек напрасно ждал, что его преследователи разбегутся. Они по-прежнему кольцом оцепляли костер и смотрели на Генри с такой наглой уверенностью, что он снова лишился мужества, которое вернулось было к нему вместе с рассветом.

Генри тронулся в путь, но едва он вышел из-под защиты огня, как на него бросился самый смелый волк из стаи; однако прыжок был плохо рассчитан, и волк промахнулся. Генри спасся тем, что отпрыгнул назад, и зубы волка щелкнули в нескольких дюймах от его бедра.

Вся стая кинулась к человеку, заметалась вокруг него, и только горящие головни отогнали ее на почтительное расстояние.

Даже при дневном свете Генри не осмеливался отойти от огня и нарубить хвороста. Шагах в двадцати от саней стояла громадная засохшая ель. Он потратил половину дня, что-

бы растянуть до нее цепь костров, все время держа наготове для своих преследователей несколько горящих веток. Добравшись до цели, он огляделся вокруг, высматривая, где больше хвороста, чтобы свалить ель в ту сторону.

Эта ночь была точным повторением предыдущей, с той только разницей, что Генри почти не мог бороться со сном. Он уже не просыпался от рычания собак. К тому же они рычали не переставая, а его **усталый, погруженный в дремоту мозг** уже не улавливал оттенков в их голосах.

И вдруг он проснулся, будто от толчка. Волчица стояла совсем близко. Машинально он ткнул головней в ее оскаленную пасть. Волчица отпрянула назад, воя от боли, а Генри с наслаждением **вдыхал запах паленой шерсти** и горелого мяса, глядя, как зверь трясет головой и злобно рычит уже в нескольких шагах от него.

Но на этот раз, прежде чем заснуть, Генри привязал к правой руке тлеющий сосновый сук. Едва он закрывал глаза, как боль от ожога будила его. Так продолжалось несколько часов. Просыпаясь, он отгонял волков горящими головнями, подбрасывал в огонь хвороста и снова привязывал сук к руке. Все шло хорошо; но в одно из таких пробуждений Генри плохо затянул ремень, и, как только глаза его закрылись, сук выпал у него из руки.

Ему снился сон. Форт Мак-Гэрри. Тепло, уютно. Он играет в криббедж с начальником фактории. И ему снится, что волки осаждают форт. Волки воют у самых ворот, и они с

начальником по временам отрываюются от игры, чтобы прислушаться к вою и посмеяться над тщетными усилиями волков проникнуть внутрь форта. Потом – какой странный сон ему снился! – раздался треск. Дверь распахнулась настежь. Волки ворвались в комнату. Они кинулись на него и на начальника. Как только дверь распахнулась, вой стал оглушительным, он уже не давал ему покоя. Сон принимал какие-то другие очертания, Генри не мог еще понять какие, и понять это ему мешал вой, не прекращающийся ни на минуту.

А потом он проснулся и услышал вой и рычание уже наяву. Волки всей стаей бросились на него. Чьи-то клыки впились ему в руку. Он прыгнул в костер и, прыгая, почувствовал, как острые зубы полоснули его по ноге. И вот началась битва. Толстые рукавицы защищали его руки от огня, он полными горстями расшвыривал во все стороны горящие угли, и костер стал под конец чем-то вроде вулкана.

Но это не могло продолжаться долго. Лицо у Генри **покрылось волдырями**, брови и ресницы были опалены, ноги уже не терпели жара. Схватив в руки по головне, он прыгнул ближе к краю костра. Волки отступили. Справа и слева – всюду, куда только падали угли, шипел снег, и по отчаянным прыжкам, фырканию и рычанию можно было догадаться, что волки наступали на них.

Расшвырвав головни, человек сбросил с рук тлеющие рукавицы и принялся топтать по снегу ногами, чтобы остудить их. Обе собаки исчезли, и он прекрасно знал, что они послу-

жили очередным блюдом на том затянувшемся пиру, который начался с Фэтти и в один из ближайших дней, может быть, закончится им самим.

– А все-таки до меня вы еще не добрались! – крикнул он, бешено погрозив кулаком голодным зверям.

Услышав его голос, стая заметалась, дружно зарычала, а волчица подступила к нему почти вплотную и уставилась на него тоскливыми, голодными глазами.

Генри принялся обдумывать новый план обороны. Разложив костер широким кольцом, он бросил на тающий снег свою постель и сел на ней внутри этого кольца. Как только человек скрылся за огненной оградой, вся стая окружила ее, любопытствуя, куда он девался. До сих пор им не было доступа к огню, а теперь они расселись около него тесным кругом и, как собаки, жмурились, зевали и потягивались в непривычном для них тепле. Потом волчица уселась на задние лапы, подняла голову и завывала. Волки один за другим подтягивали ей, и наконец вся стая, уставившись мордами в звездное небо, затянула песнь голода.

Стало светать, потом наступил день. Костер догорал, хворост подходил к концу, надо было пополнить запас. Человек попытался выйти за пределы огненного кольца, но волки кинулись ему навстречу. Горящие головни заставляли их отскакивать в стороны, **но назад они уже не убегали**. Тщетно старался человек прогнать их. Убедившись наконец в безнадежности своих попыток, он отступил внутрь горящего

кольца, и в это время один из волков прыгнул на него, но промахнулся и всеми четырьмя лапами угодил в огонь. Зверь взвыл от страха, огрызнулся и отполз от костра, стараясь остудить на снегу обожженные лапы.

Человек, сгорбившись, сидел на одеяле. По безвольно опущенным плечам и поникшей голове можно было понять, что у него больше нет сил продолжать борьбу. Время от времени он поднимал голову и смотрел на догорающий костер. Кольцо огня и тлеющих углей кое-где уже разомкнулось, распалось на отдельные костры. Свободный проход между ними все увеличивался, а сами костры уменьшались.

– Ну, теперь вы до меня доберетесь, – пробормотал Генри. – Но мне все равно, я хочу спать...

Проснувшись, он увидел между двумя кострами прямо перед собой волчицу, смотревшую на него пристальным взглядом.

Спустя несколько минут, которые показались ему часами, он снова поднял голову. Произошла какая-то непонятная перемена, настолько непонятная для него, что он сразу очнулся. Что-то случилось. Сначала он не мог понять, что именно. Потом догадался: волки исчезли. Только по вытоптанному кругом снегу можно было судить, как близко они подбирались к нему.

Волна дремоты снова охватила Генри, голова его упала на колени, но вдруг он вздрогнул и проснулся.

Откуда-то доносились людские голоса, скрип полозьев,

нетерпеливое повизгивание собак. От реки к стоянке между деревьями подъезжало четверо нарт. Несколько человек окружили Генри, скорчившегося в кольце угасающего огня. Они расталкивали и трясли его, стараясь привести в чувство. Он смотрел на них, как пьяный, и бормотал вялым, сонным голосом:

– Рыжая волчица... приходила к кормежке собак... Сначала сожрала собачий корм... потом собак... А потом Билла...

– Где лорд Альфред? – крикнул ему в ухо один из приехавших, с силой трякнув его за плечо.

Он медленно покачал головой.

– Его она не тронула... Он там, на деревьях... у последней стоянки.

– Умер?

– Да. В гробу, – ответил Генри.

Он сердито дернул плечом, высвобождаясь от наклонившегося над ним человека.

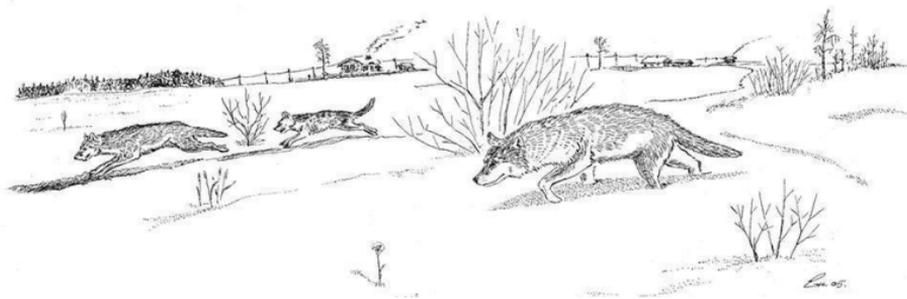
– Оставьте меня в покое, я не могу... Спокойной ночи...

Веки Генри дрогнули и закрылись, голова упала на грудь. И как только его опустили на одеяло, в морозной тишине **раздался громкий храп.**

Но к этому храпу примешивались и другие звуки. Издали, еле уловимый на таком расстоянии, доносился вой голодной стаи, **погнавшейся за другой добычей**, взамен только что оставленного ею человека.

Волки очень опасны для человека?

Волк – крупный и смелый хищник, к тому же охотящийся стаей. В местах, где много естественной добычи – оленей, косуль, кабанов, – волки держатся вдали от человека и остерегаются его. Однако зимой, когда становится голодно, они переселяются ближе к деревням и при первом удобном случае хватают собак, овец, коз. Бывают случаи, когда их жертвами становятся люди – чаще дети, реже взрослые. В отместку за такие нападения жители устраивают облавы и истребляют хищников. На Севере печальная участь может поджидать одиноких путешественников, перебирающихся на собачьих упряжках от одного поселка к другому.

А какие на Севере растут деревья и кустарники?

«Севером» в Евразии и Северной Америке называют районы, где зима значительно продолжительней лета, лето холодное, под почвой вглубь на сотни метров лежит сплошной лед. Северные окраины этого обширного региона называют Арктикой, они заняты тундровой зоной; более южные территории – это Субарктика, ее пространства заняты тайгой. Тундра покрыта многочисленными мелкими озерцами и болотцами, их берега зарастают лишайниками и мхами. Повсюду много ягодных кустарники (голубика, морошка), кое-где растут карликовые березы и ивы. Немного южнее – переходная зона лесотундры, здесь появляются чахлые березы, ели, пихты, они обычно пригнуты к земле ветрами. Еще южнее постепенно начинается тайга, основу которой составляют хвойные деревья – лиственница, ель, пихта. Сначала деревья растут редко – это редколесье. Затем начинается настоящая густая тайга, где под сомкнутыми кронами елей и пихт мало света, много сырых болот, почва покрыта мхом, с веток свисают ключья лишайников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.